

В глубокой горной долине не видно ручья,

Лишь чистая вода бьёт о камни, лаская слух.

Свежий ветер колышет лес, рождая изящные звуки,

Сотни птиц возвращаются в тишину, воспевая покой и обновление.

Горы глубоки, ущелья бескрайни — одно за другим; извилистая дорога за каждым поворотом открывает новый прекрасный пейзаж. Осенний ветер ещё слаб, но жёлтые листья уже тронуты первым тлением, расцветивая многослойные горные хребты. Среди глубокой зелени мелькает алый, жёлтый или пурпурный оттенок... Бурные воды стремительно бьют о береговые скалы, низвергаясь с сорокаметровой высоты и рассыпаясь брызгами семицветного хрустального света... Лёгкий ветерок, напоенный слабым ароматом осени, проносится сквозь изящный бамбуковый лес, блуждает среди бесчисленных гор, и листья, взмывая в воздух под лучами закатного солнца, приветствуют его; а птицы, возвращающиеся в рощу, выпевают тихую вечернюю песню.

Фэн Синьця опустила стекло автомобиля и всем сердцем впитывала эту красоту. Её чёрные как смоль волосы развевались на ветру, а на брови запечатлелась лёгкая радость. Больше всего на свете она любила это место — вдали от городского шума и корысти, здесь даже воздух казался напоенным сладковатым ароматом, приносящим умиротворение и радость.

Фэн Наньси сбросил скорость еще сильнее, уголки его губ приподнялись, и он с нежной радостью посмотрел в зеркало заднего вида на зачарованную Синьця, чье лицо выражало абсолютное счастье и удовлетворение. Редко доводилось видеть Синьця такой — спрятав свои маленькие острые коготки, тихой и прекрасной. Годы ношения маски стерли её истинный характер, и фальшь причиняла ему боль. Яйя, способная отбросить защиту — самая прекрасная, прекрасная до глубины души.

— Староста Фэн, этот сорванец Исюй позвонил, Синьця и Наньси въехали в горный развилоч, мы тоже начинаем подготовку? — Фэн Чаншэн отложил дела и зашел в старый храм, чтобы сообщить старейшинам.

— О, это отлично, приступайте к подготовке! Позовите пару молодых парней, пусть вынесут все эти вещи наружу, — Фэн Чжу сидел на старом деревянном чурке, перед ним была свалена гора кристаллов и странных вещиц, извлеченных из тайных пещер древнего храма, разобранных и разложенных по категориям.

— Слушаюсь, я сейчас же всех оповещу, они как раз ждут снаружи! — Фэн Чаншэн, исполнявший обязанности деревенского старосты, ведал всеми делами в деревне, и любые поручения тоже раздавал он. Поскольку дело Фэн Синьця касалось всей деревни, с самого утра в каждый дом разослали уведомления, чтобы никому не вздумало прийти в голову сотворить что-то во вред общему делу.

— Иди! — Фэн Чжу махнул рукой и продолжил возиться со старинными вещицами в руках.

— Старый брат, эти штуки действительно могут пригодиться? — Фэн Се подпер рукой лоб и с сомнением оглядел заваленную древним хламом землю. То, что появляется только в древних мифах и фантастических сериалах, действительно можно применить на практике?

— Пригодятся или нет — узнаем, когда попробуем. Не ждёте же вы, пока кто-нибудь установит здесь прослушку и слежку? Разве вы тогда сможете спокойно спать? — с улыбкой произвел Фэн Чжу. Высокие технологии развиваются так стремительно, что от них рябит в глазах, и в один прекрасный день вполне может объявиться кто-то с недобрыми намерениями: бросит здесь какую-нибудь штуковину, и деревня Хэфэн окажется на свету — о покое тогда и мечтать не придется, а спасение древнего храма — это первостепенная задача. Тысячелетнее наследие нельзя позволить разрушить им самим.

— Может, позвать обратно тех пареньков, что разбираются в этом? — предложил Фэн Се. Всю эту утварь им, старикам, не понять, но те пареньки, что живут в большом мире — настоящие мастера в таких делах. С ними бояться нечего!

— Чего спешить? Достаточно просто шепнуть этим сорванцам словечко; тех, у кого важные дела, тревожить не нужно, а если кто бездельничает и посмеет не вернуться — шкуру сдеру! — Фэн Чжу сжал молоток и воинственно взмахнул им, выглядя при этом довольно комично и трогательно. Годы берут своё, молоток уже и не поднять, но этот мир должен принадлежать молодежи; его дело — лишь прикрывать их с тыла, а будущее они должны решать сами.

— Верно, верно, всё сделаем по твоему, старый брат. После твоих слов разве они посмеют не вернуться? — Фэн Се и Фэн Чжу шли рука об руку несколько десятков лет и знали нрав друг друга досконально; старый брат хотел помочь той девочке пройти через испытание, но в конце концов полагаться придется на самих молодых. Земля уже сыплется изо рта, и если они, кучка стариков, могут хотя бы подать голос — этого уже достаточно.

Фэн Чаншэн привел в древний храм мужчин своего поколения.

Этот родовой храм, который открывали всего два-три раза в год, после превращения Фэн Синьця в человека больше не закрывали. Появились люди — появилась и жизнь. Тщательно выметая пыль и вымыв всё вокруг, наведя идеальный порядок и зажегши сандаловые благовония, они пробудили тысячелетнюю духовную энергию. И произошло настоящее чудо: статуя Матушки Нюйва и изображения четырех божественных зверей словно ожили, вызвав всеобщее изумление.

У людей больше не было возражений против упомянутого стариком Фэном Духовной Формации Сюаньлин Тяньюань. Они беспрекословно подчинялись распоряжениям старосты Фэн Чаншэна и, следуя воле старика Фэн Чжу, возвращали важные артефакты на их законные места, ожидая лишь возвращения Фэн Синьця для проведения последнего шага.

Солнце клонилось к закату; августовский горный ветер вовсе не был знойным, он приносил с собой прохладу, сдувая на землю лепестки османтуса. Под большим деревом у въезда в деревню было полно народу, все взгляды были устремлены на дорогу, ведущую из внешнего

мира.

Фэн Наньси издали заметил столь грандиозное скопление односельчан — и всё ради Синьця! Надо же было так сбе Маться, да еще отец с прадедушкой никого не разогнали.

— Яйя, все собрались у въезда в деревню!

— Ничего страшного, людям просто любопытно. Матушка Нюйва в древнем храме — всего лишь каменная статуя; хоть у нее тоже человеческое лицо и змеиное тело, но из-за ежегодных поклонений к ней привыкли и не видят в ней ничего особенного. Теперь же появилась живая, настоящая, вот всем и хочется взглянуть, как она выглядит; увидят — и новизна пропадет.

— Я не привыкла к такому количеству людей, может, подъедем прямо к родовому храму? — Фэн Наньси слишком хорошо знал характер этой девчонки — она никогда не любила сборища. И теперь, когда целая толпа собралась поглазеть, вряд ли это ей понравится.

— Как знаешь! — Фэн Синьця не стала возражать, прекрасно понимая, что Фэн Наньси делает это ради нее. С его любовью к шумным компаниям в обычный день он бы непременно вышел из машины и завязал со всеми болтовню.

Фэн Наньси хотел уехать, но раз уж вся деревня ждала, разве позволили бы они ему просто так ускользнуть? Путь машине преградили, и не успела дверца открыться, как подъехал, несясь на бешеной скорости, Фэн Исюй. Резко затормозив, он выскочил из автомобиля.

Не имея выбора, Фэн Наньси опустил стекло и бросил Фэн Исюю:

— Ты проверил дорогу сзади? Кто-нибудь хвостом не сидит?

— Можешь быть спокоен на все сто! Старый дедушка приказал, разве я посмел отнестись спустя рукава, всё сделано. А ну давай быстрее выпускай Синьця, пусть народ поглядит, а то потом еще выскочит из какого-нибудь угла и перепугает всех до смерти!

Поднятый Фэн Исюем шум заставил односельчан зашуметь снаружи.

— Чего спешишь? Сначала дождемся старого старосту, — Фэн Наньси наградил легким щелчком по лбу Фэн Исюя, норовившего засунуть голову в салон. Этот негодяй: в будни его вечно не дозовешься, а как появится шанс подразнить Синьця — тут как тут.

— Синьця, Синьця, выходи же скорее! — нельзя было винить его за это подстрекательство, ему и впрямь было безумно любопытно — превращение человека из животного, кто же не захочет посмотреть.

Фэн Синьця слегка улыбнулась: не выходить было нельзя. Рано или поздно показываться все равно придется, и дать людям посмотреть — задача не из сложных. Но если кто-то вздумает снова издеваться над ней или насмехаться — пусть попробуют рискнуть впредь! С этими мыслями она задействовала циркулировавшую в теле духовную силу и кровь и сказала Фэн Наньси:

— Наньси, открывай дверь.

— Яйя! — Фэн Наньси тревожился, но они не могли же вечно прикрываться прадедушкой как живым щитом.

— Наньси, всё в порядке! — на душе у Фэн Синьця было легко. Как преемница, она была первой воплощенной из тех, кого тысячелетиями охраняла деревня Хэфэн. Она была неразрывно связана с деревней, и их ждали либо общая слава, либо общее падение.

Беспокойство не исчезло с лица Фэн Наньси, но он все же нажал на кнопку блокировки. Предохранитель щелкнул, Синьця потянула за ручку и распахнула дверь.

Фэн Исуй радостно свистнул, но тут же схлопотал удар от выскочившего следом Фэн Наньси.

<http://bllate.org/book/19608/1924635>